

328

ШУТКА НА СЦЕНЕ

Мурман "Театр и дра-
матургия"
Москва, 1935

Д. ВАСЛАВСКИЙ

Знакомое имя заставило остановиться перед афишей: Чинаров... Неужели тот Чинаров? Из далеких углов памяти встали образы, которые десятилетия лежали на полках в архиве воспоминаний: студенчество, Киевский университет, забастовки на рубеже XIX и XX веков, и тут же театр Соловцова, еще пахнувший свежими красками, и дружный, веселый смех при первом же появлении на сцене Чинарова... Да, это тот Чинаров, и ему, старому актеру, посвящен этот вечер в Москве.

Я не театралный критик, я только зритель, да и то случайный. История русского театра мне плохо известна — да она, кажется, еще не написана по-настоящему, что касается последних десятилетий. Я не знаю поэтому, когда сошел со сцены как ее постоянный и живой участник, некогда очень популярный Чинаров. Думаю, что сошел вместе с водевилем, потому что замечательный он мастер этого забытого театралного жанра. Не просто комический актер, а именно водевильный, и притом в лучшем, почти классическом стиле водевиля. В своей последней стадии водевиль породил такие штампы, которые рождали в зрителе уж не веселье, а одно уныние. Так полагалось, что если на актере не просто штаны, а непременно в крупную клетку, и не просто выходит он на сцену, а выкатывается кубарем, то это и есть водевильный актер и надо смеяться.

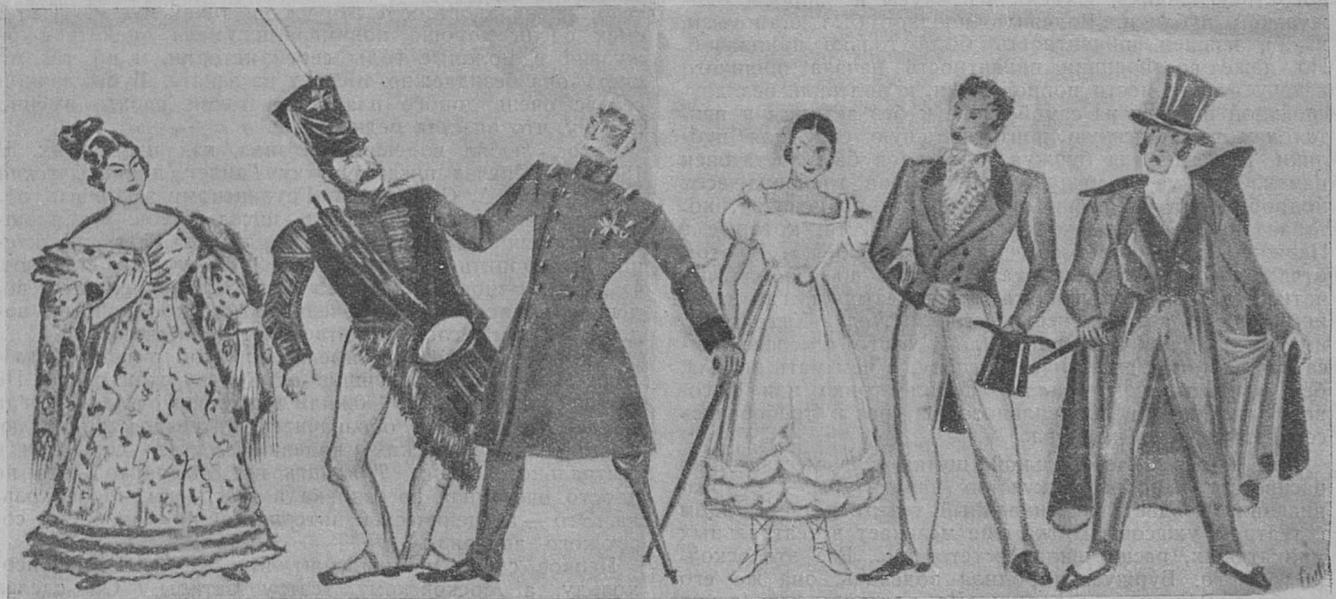
Чинаров был превосходным водевильным актером, и публика смеялась при первом же появлении его на сцене, еще до того как он открывал рот, не потому, что был он смешно одет, в каком-нибудь рыжем парике с вихрами, в уморительных штанишках, а потому, что подлинное, неистощимое и заразительное веселье было в нем самом, в его подвижном, выразительном лице, в его скупых, но характерных жестах, в его полных юмора интонациях. Чинаров играл весело и легко. Впоследствии, когда привелось видеть на сцене хороших комических французских актеров, вспоминался именно Чинаров. Не было у него, возможно, французской четкости, но была та изумительная легкость и простота, которые кажутся со стороны очень уж доступными всякому, но которые в действительности требуют большого технического мастерства, большой выучки, большой театралной культуры. Водевиль — не случайное изделие французского театра. Всюду, во всех других странах, он остался переневом с французского, а в России его в особенности отяжелили, сделали рыхлым и грузным.

Чинаров, насколько помнится, был актером большого мастерства, именно водевильного, а не комическо-

го. Не запомнился мне, как зрителю, ни один его большой комический образ, хотя играл он и в комедиях. А вот водевили с Чинаровым запомнились. Есть, стало быть, в водевилях такая черта, которая отделяет их от комического смеха. Чехов называл свои водевили шутками; это и есть, повидимому, наиболее правильный перевод слова «водевиль» на русский язык: не просто маленькая комедия, а шутка. В иерархии комической литературы это как-будто звание низшего разряда: первое место — сатире, второе — юмору, а где-то сзади — шутке. Но ведь всякая такая классификация весьма условна. Бывают весьма злые шутки. Кстати примененная шутка иной раз в самых серьезных условиях может сыграть большую роль. Шутками пересыпаны многие классические произведения. И уж во всяком случае шутка требует не меньшего мастерства, чем всякое иное средство выражения человеческих переживаний и настроений. То, что столь популярный некогда водевиль сошел с буржуазной сцены, не свидетельствует ли о том, что буржуазия разучилась смеяться весело, шутиливо?

Утратив мастерство шутки, она объявила искусство принужденного смеха искусством устарелым, низким, недостойным. Слово «водевиль» приобрело пренебрежительный смысл. Театры перестали ставить водевили, а авторы их писать. Звонкий, беззаботный смех смолк на сцене. Его «приписали» к эстраде. Дешевая и вульгарная буржуазная эстрада довершила водевиль. Она разменяла его на анекдот, и в поглупевшем, засалившемся уродце трудно было бы узнать черты первоначального образца: легкую, изящную, остроумную шутку молодой французской буржуазии.

Я не помню, когда водевиль исчез со сцены. Кажется, произошло это как-то сразу и чуть ли не в связи с революционным подъемом к 1905 году. Но еще незадолго перед этим водевиль не только был необходимой, но даже как бы обязательной частью репертуара. На украинской — по тогдашнему полицейскому выражению, «малорусской» — сцене он был именно обязательной частью, своего рода повинностью, от которой украинский театр не мог уклониться под страхом наказания. Предполагалось, что русский водевиль — на русском языке — обезвредит опасность украинизации или, — на полицейском жаргоне, — «сепаратизма». Украинский театр и смотрел на русский водевиль как на дело порядка полицейского, а не театралного; валяли дурака в водевилях этого рода специальные горе-актеры.

Я. Штоффер. Эскиз костюмов к водевилю П. Каратыгина «Дядюшка о трех ногах»

Московский театр Сатиры